

НѢСКОЛЬКО МЫСЛЕЙ

О СОВРЕМЕННОМЪ СОСТОЯНІИ И ОРГАНИЗАЦІИ НАШЕЙ КАВАЛЕРІИ.

Вооруженіе пѣхоты новымъ скорострѣльнымъ оружіемъ, увеличеніе дальности и мѣткости какъ ружейнаго, такъ и артилерійскаго огня, привели весьма многихъ не только къ перемѣнѣ взгляда на современное значеніе кавалеріи въ бою, но и къ полному отрицанію какой бы то ни было серьезной самостоятельной роли ея въ современныхъ войнахъ. Столь неосновательный взглядъ былъ опровергнутъ опытомъ послѣднихъ войнъ, ясно доказавшихъ, что хорошая кавалерія приноситъ и въ наше время если не больше, то и не меньше пользы, чѣмъ прежде. Однако тотъ же опытъ показалъ, что кавалерія дѣйствительно не можетъ приносить на войнѣ почти никакой пользы (кромѣ развѣдокъ), если не будетъ удовлетворять современнымъ требованіямъ военнаго дѣла и если будетъ находиться въ рукахъ людей, не умѣющихъ извлекать изъ нея пользы. Первое изъ указанныхъ условій наибояѣе важно и для того, чтобы исполнѣ одѣлать его сущность, необходимо выяснитъ: 1) въ чемъ состоятъ тѣ требованія, которымъ должна удовлетворять кавалерія, чтобы съ успѣхомъ выполнить задачи, какія ей выпадаютъ на войнѣ при современномъ состояніи военнаго дѣла; 2) на сколько требованія эти выполнены въ нашей кавалеріи, и 3) какія мѣры могутъ и должны быть приняты для того, чтобы наша кавалерія могла принести надлежащую пользу въ рукахъ опытныхъ и лихихъ начальниковъ.

Роль кавалеріи въ современныхъ войнахъ двоякая: стратегическая, выражающаяся въ видѣ самостоятельныхъ партизанскихъ дѣйствій, и тактическая, заключающаяся въ дѣйствіяхъ во время боя—отдѣльныхъ и самостоятельныхъ, или же въ составѣ другихъ родовъ оружія. Исполненіе этихъ назначеній кавалеріи оказывается достижимымъ при слѣдующихъ условіяхъ: 1) если конница имѣетъ исполнѣ соответствующую данной задачѣ организацію, т. е. обладаетъ не только всѣми средствами, необходимыми для оказанія содѣйствія успѣху боя другихъ родовъ

оружія, но и имѣетъ возможность свободно выдѣляться изъ состава корпусовъ или армій, для самостоятельныхъ дѣйствій на любомъ пунктѣ театра войны въ видѣ партизанскихъ отрядовъ, и 2) если она обладаетъ въ высшей степени большою подвижностью въ самомъ обширномъ смыслѣ этого слова, т. е. способностью къ быстрымъ и продолжительнымъ переходамъ безъ порчи лошадей и утомленія людей, а равно и къ стремительнымъ атакамъ съ дальнихъ дистанцій. Посмотримъ, насколько выполнены оба эти условія въ современной нашей кавалеріи. Съ переформированіемъ гусаровъ и улановъ въ драгуны, вся наша кавалерія получила наконецъ вооруженіе, вполне соответствующее современнымъ требованіямъ военного дѣла, такъ какъ новое вооруженіе даетъ кавалеріи полную возможность не только къ болѣе самостоятельному образу дѣйствій въ составѣ отдѣльныхъ отрядовъ, но и къ болѣе полезному и серьезному участію во время боя въ составѣ другихъ родовъ войскъ. Но далеко не въ такомъ блестящемъ видѣ представляется современная организація нашей регулярной кавалеріи, понимая подъ этимъ словомъ не только административное и тактическое дѣленіе кавалеріи на различныя части, но, главнымъ образомъ, снабженіе ея всѣмъ необходимымъ для самостоятельныхъ дѣйствій въ военное время, т. е. всякаго рода обозомъ и соответствующимъ количествомъ артилеріи. Опытъ не только послѣдней турецкой войны, но и всѣхъ предшествующихъ войнъ достаточно уже ясно показалъ, что при томъ колесномъ обозѣ, какой имѣется въ кавалеріи въ настоящее время, при быстрыхъ передвиженіяхъ на театрѣ военныхъ дѣйствій, кавалерія почти всегда вынуждена была бросать свой обозъ. Подобныя неудобства колеснаго обоза, обнаруживавшіяся весьма ясно даже и при тѣхъ условіяхъ, въ которыя была поставлена кавалерія въ минувшую войну, т. е. когда ей не приходилось уходить далѣе 100—200 верстъ отъ главныхъ силъ, обнаружались бы еще яснѣе въ случаяхъ дальнихъ рейдовъ кавалеріи, причемъ, благодаря несоответственному устройству обоза, она была бы вынуждена остаться совсѣмъ безъ обозовъ, безъ патронныхъ ящиковъ и лазаретныхъ повозокъ, т. е. безъ всего того, что необходимо для жизни и дѣйствія каждой части войскъ. Избѣжать подобныхъ неудобствъ можно и должно замѣною существующаго въ кавалеріи колеснаго обоза вьючнымъ, что въ наше время едва-ли можетъ представить какія либо затрудненія въ виду имѣющихся усовершенствованныхъ вьючныхъ сѣделъ (*). Вторая слабая сторона организаціи нашей кавалеріи—это со-

(* По новой организаціи войсковыхъ обозовъ, кавалерія имѣетъ вьюки.

Прим. ред.

вершенное отсутствіе въ составѣ конно-артилерійскихъ батарей, придаваемыхъ кавалерійскимъ дивизіямъ, конно-горныхъ орудій, между тѣмъ какъ, по современнымъ требованіямъ военнаго дѣла, необходимость придачи кавалеріи этого рода артилеріи едва-ли можетъ подлежать какому либо сомнѣнію по слѣдующимъ причинамъ: роль кавалеріи въ современной войнѣ, помимо развѣдывательной или аванпостной службы, состоитъ главнымъ образомъ въ дѣйствіяхъ партизанскихъ, т. е. въ тылу, на сообщеніяхъ противника, и притомъ такихъ дѣйствіяхъ, которыя своей неожиданностью, быстротою и рѣшительностью окончательно сбивали бы съ толка, не давали бы противнику покоя ни днемъ, ни ночью и разстраивали бы его стратегическія соображенія. Достичь этой цѣли возможно для кавалеріи только при слѣдующихъ условіяхъ: 1) когда она можетъ вести серьезную атаку не только противъ кавалеріи, но и противъ пѣхоты, находящейся за какимъ либо закрытіемъ, — что безъ артилеріи почти невысказимо (1), и 2) когда, достигнувъ заданной цѣли, кавалерія можетъ быстро перенестись на другое мѣсто, не стѣсняясь никакими путями сообщенія, т. е. совершить именно такой маневръ, который выполнимъ только съ конно-горными орудіями.

(1) Въ подтвержденіе важности и необходимости въ бою конно-горныхъ орудій, я приведу слѣдующій фактъ изъ моей боевой практики. Въ 1880 году, въ ночь съ 22-го на 23-е декабря, предполагая произвести закладку первой параллели съ южной стороны Геокъ-Тепе, генераль-адъютантъ Скобелевъ приказалъ направить два эскадрона и три сотни казаковъ, съ двумя конно-горными орудіями, для атаки Геокъ-Тепе съ сѣверной стороны, чтобы отвлечь этой ложной атакой вниманіе текинцевъ. Выступивъ по назначенію въ темную зимнюю ночь и двигаясь безъ дорогъ, отрядъ этотъ долженъ былъ перейти нѣсколько овраговъ и водомоинъ съ крутыми берегами, совершенно непроходимыхъ для полевой артилеріи и, къ разсвѣту, дошелъ до нѣсколькихъ укрѣпленныхъ калъ (глинобитныхъ башенъ) и садовъ, обнесенныхъ глиняными стѣнами, за которыми расположился отрядъ текинцевъ въ 2,000 человекъ. Не смотря однако на такое неравенство силъ, сѣнные драгуны и казаки атаковали текинцевъ, которые упорно защищались до тѣхъ поръ, пока не начали дѣйствовать снятыя съ выюковъ конно-горныя орудія; съ появленіемъ же орудій, начавшихъ обстрѣливать стѣны калъ и сады, текинцы поспѣшно отступали и дали возможность отряду выполнить свое назначеніе.

Другой примѣръ значенія и важности конно-горныхъ орудій представляетъ переходъ Копетъ-дагскаго хребта, совершенный генераломъ Скобелевымъ, въ томъ же 1880 г., по мѣстности совершенно непроходимой для полевой артилеріи. Между тѣмъ переходъ этотъ имѣлъ громадное значеніе, такъ какъ не только далъ намъ возможность захватить массу баранты, но своею неожиданностью поразилъ текинцевъ и содѣйствовалъ послѣдующимъ успѣхамъ нашихъ войскъ въ Ахаль-Текинскомъ оазисѣ. Весь этотъ отрядъ шелъ съ выючнымъ обозомъ и, переваливъ чрезъ хребетъ, сейчасъ же встрѣтилъ непріятеля, который не могъ оказать намъ серьезнаго сопротивленія только благодаря дѣйствию конно-горныхъ орудій, постоянно вынуждавшихъ текинцевъ очищать всѣ занимаемыя ими закрытія.

Считаю не лишнимъ однако замѣтить, что введеніе въ составъ конной артилеріи конно-горныхъ орудій отнюдь не должно вести за собой уничтоженія конной артилеріи, вооруженной орудіями большихъ калибровъ, такъ какъ необходимость подобной артилеріи совершенно очевидна для другихъ цѣлей современнаго боя.

Перейдемъ теперь къ разсмотрѣнію слѣдующаго условія, обладаніе которымъ необходимо для кавалеріи, а именно къ подвижности и тѣсно связанному съ ней вопросу о правильной выдержкѣ лошадей.

Выполненіе этого условія находится въ прямой зависимости: во первыхъ, отъ качества конскаго состава, т. е. сорта и выдержки лошадей, и, во вторыхъ, отъ личнаго состава, разумѣя подъ этимъ какъ солдатъ, такъ и начальниковъ. Нельзя не признать, что при обиліи въ Россіи хорошаго сорта коней и при тщательномъ ремонтированіи кавалеріи, вопросъ о соответствующемъ выборѣ кавалерійскихъ лошадей разрѣшенъ у насъ вполне рационально, да впрочемъ иначе и быть не могло, такъ какъ въ Россіи есть достаточно коней не только для нашей, но и для заграничной кавалеріи. Но, затѣмъ, наша регулярная кавалерія давно страдаетъ неумѣньемъ выдерживать лошадей. Въ прежнее время недостатокъ этотъ былъ не особенно ощутителенъ потому, что еще задолго до начала кампаніи лошади успѣвали втянуться въ работу во время тѣхъ продолжительныхъ походовъ, которые приходилось совершать кавалерійскимъ частямъ до вступленія на театръ военныхъ дѣйствій, а также и потому, что тогда отъ кавалеріи не требовалось особенно усиленныхъ передвиженій не только на театръ войны, но даже и во время боя, такъ какъ не было и рѣчи о необходимости атакъ съ дальнихъ дистанцій.

Только вскорѣ послѣ крымской войны въ нашей кавалеріи была наконецъ вполне ясно признана необходимость увеличить ея подвижность и рѣшено было сдѣлать строевую кавалерійскую лошадь легкой и подвижною. Для достиженія этой цѣли начали производить усиленные гонки, скачки, барьеры и т. п., а такъ какъ все это дѣлалось безъ предварительной выдержки лошадей, то въ результатъ всѣ эти упражненія повели только къ порчѣ лошадей и потому скоро были оставлены. Затѣмъ, наступилъ второй періодъ—производства дальнихъ проѣздовъ, за 100—120 верстъ въ сутки, производившихся офицерами въ сопровожденіи десятка нижнихъ чиновъ, выбранныхъ изъ цѣлаго полка. Само собой разумѣется, что подобныя проѣздки тоже не могли привести ни къ какимъ полезнымъ результатамъ, такъ какъ производились чуть что не одиночными людьми и по самому своему существу были совершенно безцѣльными.

Въ результатѣ въ минувшую войну оказалось, что лошади нашей кавалеріи были весьма мало подготовлены къ работѣ и до того плохо выдержаны въ мирное время, что на обоихъ театрахъ войны регулярные кавалерійскіе полки, послѣ двухъ — трехъ усиленных рейдовъ, начали таять. Между тѣмъ во время кавказской войны драгунскіе полки, имѣя тотъ же сортъ лошадей и находясь въ экспедиціяхъ по нѣсколь- ку мѣсяцевъ, дѣлали переходы по 60 верстъ въ сутки, не только съ полнымъ व्यюкомъ, но имѣя при себѣ фуражъ на три и довольствіе на пять сутокъ, и, послѣ такихъ усиленных трудовъ, были вполне годны для боя. Сопоставляя эти факты, можно объяснить разницу между ихъ послѣдствіями только тѣмъ, что въ періодъ войны съ кавказскими горами драгунскія лошади были хорошо выдержаны, такъ какъ при хорошемъ содержаніи онѣ почти постоянно находились въ работѣ, а потому и сдѣлались замѣчательно выносливыми. Фактъ этотъ невольно приводитъ къ убѣжденію, что слѣдуетъ обратить серьезное вниманіе не на одну выѣздку, но и на правильную выдержку строевыхъ кавалерійскихъ лошадей, такъ какъ теперь, благодаря желѣзнымъ дорогамъ, всякая кавалерійская часть можетъ быть быстро передвинута на театръ войны и затѣмъ ей тотчасъ же будетъ предстоять усиленная работа, къ которой она поэтому и должна быть подготовлена въ мирное время. Единственнымъ и наиболѣе раціональнымъ средствомъ для достиженія указанной цѣли служатъ походныя движенія въ составѣ цѣлыхъ полковъ или эскадроновъ, подъ непосредственной командой полковыхъ или эскадронныхъ командировъ, съ участіемъ всѣхъ наличныхъ офицеровъ и непременно съ полнымъ походнымъ व्यюкомъ и съ соблюденіемъ всѣхъ правилъ походнаго движенія военного времени. Такое передвиженіе было бы полезно производить еженедѣльно на разстояніи одного перехода, т. е. верстъ 20.—25 отъ мѣста стоянки и притомъ съ такимъ расчетомъ времени, чтобы движеніе туда и обратно всегда оканчивалось не болѣе какъ въ одинъ день.

По инструкціи для веденія занятій въ кавалеріи постановлено производить небольшія проѣздки въ 15—20 верстъ во всѣхъ кавалерійскихъ частяхъ, причемъ указанъ и порядокъ этихъ проѣздовъ. Къ сожалѣнію, вслѣдствіе разбросаннаго расположенія кавалеріи, трудно услѣдить за тѣмъ, чтобы проѣздки эти производились дѣйствительно согласно инструкціи и во всѣхъ кавалерійскихъ частяхъ безъ исключенія. Можно смѣло сказать, что въ настоящее время требованія инструкціи иногда исполняются не совсѣмъ пунктуально, вслѣдствіе весьма понятнаго желанія начальниковъ частей сохранить тѣла лошадей, такъ какъ при 3-хъ гарницахъ суточной дачи, во время проѣздовъ, ло-

шади дѣйствительно спадаютъ съ тѣла. Для устраненія подобныхъ неблагоприятныхъ причинъ, тормозящихъ достиженіе главной цѣли, было бы желательно довести ежедневную дачу строевыхъ кавалерійскихъ лошадей лѣтомъ до 4-хъ гарнцевъ овса и 14 фунт. сѣна, а зимою и осенью до 3-хъ гарнцевъ овса и 18 фун. сѣна съ подстилкою, что уже и практикуется въ нѣкоторыхъ кавалерійскихъ частяхъ. Съ установленіемъ подобной дачи можно было бы усилить еженедѣльные проѣздки до 50-ти верстъ въ день, производя ихъ разными аллюрами, но съ такимъ расчетомъ, чтобы движеніе производилось со скоростью 10-ти верстъ въ часъ. Подобныя проѣздки, поддерживая въ людяхъ и лошадяхъ привычку къ быстрымъ движеніямъ, приучили бы и тѣхъ, и другихъ къ трудамъ, предстоящимъ имъ въ военное время. Насколько важны и необходимы упражненія подобнаго рода, можно ясно видѣть уже изъ того факта, что наибольшей способностью къ перенесенію трудовъ всегда обладала и будетъ обладать, такъ называемая, естественная конница, т. е. наши казаки, горцы, калмыки, текинцы и другіе наѣзники. Спрашивается: гдѣ же, какъ и почему привыкли къ перенесенію трудовъ ихъ кони и они сами? Очевидно—не въ манежахъ и не во время учений, а только въ силу постоянного упражненія въ быстрыхъ передвиженіяхъ на большія разстоянія, вызываемыхъ ихъ образомъ жизни. Чтобы достигнуть, хотя отчасти, той же выносливости конскаго и личнаго состава въ нашей регулярной кавалеріи, необходимо приучать ее не столько къ дальнимъ (разстояніе въ 40—50 верстъ для хорошей кавалеріи пустыни), сколько къ постояннымъ и разумно веденымъ проѣздамъ. Само собою разумѣется, что подобнаго рода проѣздки могутъ быть производимы только къ теплое время года, т. е. весной, лѣтомъ и осенью; въ случаѣ же особенно благоприятной погоды слѣдуетъ производить ихъ даже и зимою, конечно при морозѣ не свыше 4—5 градусовъ. Затѣмъ, тотчасъ же по возвращеніи съ проѣздки всѣ лошади должны быть осмотрѣны и здѣсь то нужно внушить начальникамъ своимъ людямъ, что составляетъ конь для кавалериста: одинъ безъ другаго существовать не могутъ, а потому уходъ за конемъ долженъ быть больше, чѣмъ за собою; примѣромъ можетъ быть горецъ и житель степи, которому лошадь его лучший другъ; въ военное время это понимается легко; кавалеристъ сознаетъ, что значить лошадь бережменная и выдержанная, которая выносить его изъ опасности или догонитъ врага; но такой поздній опытъ дается и дорого, и тяжело. Исправное сѣдло и хорошо досмотрѣннаяковка не менѣе важны, какъ и уходъ за конемъ. Всѣмъ этимъ приемамъ можно обучить, какъ уже сказано, только на практикѣ, а если практики нѣтъ и не будетъ, то

я лично нисколько не удивлюсь тому, если, черезъ два—три мѣсяца работы, на театрѣ войны половина лошадей регулярной кавалеріи окажется побитой и негодной для дѣла: все это такъ и должно быть. Было бы полезно принять за правило, чтобы кавалерія проходила ежедневно не менѣе 40—60 верстъ; переходы въ 25 верстъ должны быть допускаемы только какъ исключенія. Малые переходы въ мирное время весьма хороши только для пѣхоты, но положительно вредны для кавалеріи, такъ какъ пріучаютъ ее къ медленнымъ походнымъ движеніямъ, тогда какъ именно этого то и слѣдуетъ избѣгать, если желаютъ сдѣлать кавалерію наиболѣе подвижной, а слѣдовательно и годной для современной войны. Надо твердо помнить, что мирное время для войскъ не отдыхъ, а только подготовка къ рациональнымъ дѣйствіямъ въ военное время, а потому если по условіямъ современной войны необходимо имѣть въ высшей степени подвижную конницу, то и надо обучать ее сообразно съ этими новыми требованіями, а не держать лошадей постоянно только въ манежѣ или на учебномъ полѣ. Я твердо убѣжденъ, что на войнѣ будетъ хороша и пригодна только та кавалерія, лошади которой не только хороши сортомъ, но и хорошо выдержаны, иначе, находясь даже въ рукахъ истыхъ кавалеристовъ, она принесетъ очень мало пользы; я говорю даже, что плохая лошадь, но хорошо выдержанная, пригоднѣе для дѣла, нежели хорошая, но дурно выдержанная.

Съ сокращеніемъ сроковъ службы вопросъ объ обученіи кавалериста сдѣлался особенно важнымъ и, благодаря нѣкоторымъ неблагоприятнымъ условіямъ, весьма трудно выполнимымъ. Дѣйствительно, требованія, которымъ долженъ удовлетворять кавалерійскій солдатъ, велики: онъ долженъ обладать здоровьемъ, способностью къ ѣздѣ, хорошимъ зрѣніемъ, умственнымъ развитіемъ, такъ какъ иначе онъ никогда не будетъ толковымъ развѣдчикомъ и хорошимъ кавалеристомъ. Между тѣмъ по выбору людей кавалерія стоитъ чуть-ли не на шестомъ мѣстѣ, и въ нее поэтому попадаютъ такіе люди, которые по своимъ качествамъ иногда совершенно не соотвѣтствуютъ службѣ въ кавалеріи, причемъ зачастую попадаютъ даже незнающіе русскаго языка, такъ что почти цѣлый годъ проходитъ прежде, чѣмъ они начинаютъ понимать то, что имъ говорятъ. Конечно при подобныхъ условіяхъ очень трудно сформировать въ короткій срокъ хорошаго кавалериста, а потому казалось бы необходимымъ установить болѣе тщательный выборъ людей, назначаемыхъ на службу въ регулярную кавалерію. Затѣмъ, существующая у насъ система обученія далеко не выдерживаетъ критики. По положенію, чрезъ 4 мѣсяца послѣ поступленія на службу изъ новобранца долженъ быть сфор-

мированъ ѣздею, а въ 7 мѣсяцевъ—и стрѣлокъ. По истеченіи четырехъ мѣсяцевъ его ставятъ уже во фронтъ и, чтобы быть кавалеристомъ въ полномъ смыслѣ слова, ему остается только узнать хитрости кавалерійскаго строя, что сравнительно уже совѣмъ не трудно, такъ какъ стоитъ только ѣхать туда, куда ѣдутъ товарищи, да слушать команду,—дѣло очевидно не хитрое. Однако, на дѣлѣ, результаты подобнаго скороспѣлаго обученія оказываются далеко не блестящими: попавъ въ строй и отбывъ въ эскадронѣ полковой и дивизионный лагерные сборы, молодой солдатъ окончательно теряетъ посадку, держится на поводу, задерживаетъ и заѣзжаетъ коня, словомъ, — оказывается такимъ кавалеристомъ, что его надо снова переучивать. Всѣмъ это хорошо извѣстно, а въ особенности эскадроннымъ командирамъ, а потому, съ октября, въ каждомъ эскадронѣ снова принимаются обучать молодыхъ солдатъ ѣздѣ, да еще и отѣзжать лошадей забѣжанныхъ ими во время лагерныхъ сборовъ. Между тѣмъ, къ этому-же времени прибываютъ молодыя лошади; старые унтеръ-офицеры и солдаты уходятъ; надо отдѣлить людей въ учебную команду, присмотрѣть за починкой убора, эскадронной школой, подготовкой дядекъ и т. п., а съ декабря опять уже прибываютъ новобранцы, ихъ надо обучать, а тутъ очередь идти съ эскадрономъ въ штабъ-квартиру, словомъ,—дѣла пропасть. Само собой разумѣется, что при подобныхъ условіяхъ, не смотря на всю энергію и усердіе эскадронныхъ командировъ, многое остается недодѣланнымъ или вовсе не сдѣланнымъ, и въ концѣ концовъ, при такомъ быстромъ обученіи кавалериста, получается далеко не то, чего желаютъ и что дѣйствительно нужно. Всѣ вышеуказанные недостатки кажутся мнѣ настолько капитальными, что къ устраненію ихъ слѣдуетъ принять немедленно самыя серьезныя мѣры. Я полагаю, что, увеличивъ срокъ обученія молодыхъ солдатъ до 8-ми мѣсяцевъ, можно было-бы вѣрнѣе достигъ полезныхъ результатовъ и дѣйствительно подготовить хорошихъ кавалеристовъ.

Кромѣ этого, слѣдовало-бы принять за правило: не ставить молодыхъ солдатъ прямо въ строй, а отдѣлять ихъ въ особый эскадронъ, поручивъ завѣдываніе этимъ эскадрономъ старшему штабелъ ротмистру, съ двумя помощниками изъ оберъ-офицеровъ, назначивъ въ этотъ эскадронъ по два офицера и по два рядовыхъ отъ каждаго эскадрона. На эскадронныхъ ученьяхъ во время полковаго сбора, молодые солдаты находятся въ своихъ эскадронахъ, но во время полковаго ученья эскадронъ обучается отдѣльно; на аванпостную-же службу молодые солдаты могутъ выходить со своими эскадронами; въ половинѣ дивизионнаго лагернаго сбора можно выводить въ строй тѣхъ изъ нихъ, кото-

рые будутъ начальникомъ дивизіи найдены вполнѣ хорошими сѣдоками, и производить ученія съ полнымъ числомъ рядовъ; до этого-же времени лучше выводить въ строй для горячихъ ученій неполное число рядовъ. Мѣра эта необходима потому, что, находясь во время эскадронныхъ ученій подъ особымъ и постояннымъ надзоромъ, молодой солдатъ будетъ имѣть меньше возможности потерять правильную посадку и будетъ меньше портить своего коня, тогда какъ, будучи поставленъ въ строй своего эскадрона, онъ теряется въ общей массѣ и услѣдить за его посадкою почти нѣтъ возможности, тѣмъ болѣе, что и самая цѣль полковыхъ ученій не имѣетъ ничего общаго съ сохраненіемъ людьми правильной посадки. Мнѣ могутъ возразить, конечно, что и при проектируемыхъ мѣрахъ молодой солдатъ въ годъ не усядется въ сѣдлѣ и, слѣдовательно, тоже не будетъ кавалеристомъ. На это я могу смѣло сказать, что въ теченіе года, при хорошемъ надзорѣ и среднихъ способностяхъ къ ѣздѣ, молодой солдатъ будетъ хорошимъ кавалеристомъ и, во всякомъ случаѣ, далеко лучшимъ, чѣмъ онъ можетъ быть при существующемъ способѣ и срокѣ его обученія. Я говорю это въ виду того общезвѣстнаго факта, что гораздо легче довести до конца всякое дѣло, если оно правильно поставлено сначала, чѣмъ направлять и налаживать уже испорченное дѣло, и поэтому гораздо легче не дать человѣку приобрести дурныхъ привычекъ, чѣмъ отучать его отъ нихъ, — въ ѣздѣ это особенно важно.

Помимо всего вышеуказаннаго надо развить кавалериста умственно, обучить грамотѣ и приемамъ употребленія динамитныхъ патроновъ, на что у насъ еще не обращено вниманія. По мнѣнію многихъ, слѣдовало бы обучить кавалериста еще телеграфному дѣлу, обращенію съ гелиографомъ и чуть-ли не механикѣ, такъ какъ на войнѣ ему можетъ предстоять необходимость играть иногда роль машиниста и управлять локомотивомъ. Всѣ эти требованія, однако, такъ велики, что въ дѣйствительности оказываются совершенно невыполнимыми, а потому обученіе кавалериста можно смѣло ограничить только знаніемъ его прямого дѣла. Образованіе необходимыхъ кавалерій спеціалистовъ можетъ быть предоставлено различнымъ спеціальнымъ вѣдомствамъ, на обязанность которыхъ и слѣдуетъ возложить снабженіе кавалерійскихъ полковъ небольшими командами обученныхъ нижнихъ чиновъ при спеціалистахъ-офицерахъ; обучить-же этихъ людей ѣздить возложить на тѣ части, куда будутъ назначены команды. Гораздо легче будетъ кавалеріи обучить твердо сидѣть на лошади спеціалиста, нежели кавалеристу выучиться вышеуказаннымъ спеціальностямъ.

Нахожу нужнымъ указать еще на одинъ недостатокъ въ органи-

зація нашихъ полковъ, имѣющій нѣкоторое вліяніе на успѣхъ образованія солдатъ, и именно: на недостаточность процента пѣшихъ людей. По штату, въ кавалерійскомъ полку положено имѣть пѣшихъ людей 133 человека; выдѣливъ изъ этого числа трубаческихъ учениковъ, офицерскую прислугу, въ каждомъ эскадронѣ по 2 кашевара и по 2 хлѣбопека, всего 84 человека, остается 49 человекъ, которыми полкъ не можетъ обойтись ни для пополненія случайной убыли строевыхъ по болѣзни, обращенію въ первобытное состояніе и т. п., ни для пополненія людьми полковыхъ мастерскихъ, такъ какъ опредѣленнымъ нынѣ числомъ мастеровыхъ ни одинъ полкъ не можетъ обойтись. Вслѣдствіе этого на дѣлѣ, почти всегда, приходится отдѣлять въ командировки строевыхъ, и полкъ въ дѣствительности никогда почти не будетъ въ состояніи выходить въ 16-ти-рядномъ составѣ, а если и будетъ выходить, то навѣрно въ каждомъ взводѣ окажется по два ряда такихъ кавалеристовъ, которые очень мало бывали въ строю. Такой недостатокъ численности пѣшихъ людей, требуя постоянной командировки людей изъ строя, безспорно вредно отражается и на строевыхъ занятіяхъ нижнихъ чиновъ, такъ какъ, благодаря подобному, почти неизбѣжному порядку вещей, строевыя лошади остаются безъ хозяевъ и присмотръ за ними нужно поручать старослужащимъ, на рукахъ у которыхъ весьма часто оказываются двѣ, а иногда и три лошади: гдѣ же при этомъ имъ заниматься и слѣдить за порученными ихъ надзору новобранцами! Эскадронные же и взводные командиры не могутъ услѣдить за всѣмъ, между тѣмъ какъ постоянный надзоръ за новобранцами положительно необходимъ, такъ какъ большая часть нашихъ простолюдиновъ далеко не привыкла къ чистотѣ и порядку, а въ особенности къ соблюденію всѣхъ тѣхъ правилъ, которыя обязательны для каждаго солдата и выдалбливаніе которыхъ по пунктамъ, безъ примѣненія къ дѣлу, не можетъ принести никакой пользы. Обращая вниманіе на существующіе недостатки организаціи и обученія нашей кавалеріи, я, конечно, далеко отъ мысли, что кавалерія наша выкажетъ себя въ строю или въ бою хуже другихъ родовъ оружія нашей арміи или хуже всякой иностранной кавалеріи,—нѣтъ, по своимъ боевымъ качествамъ она хороша, но этого мало: наша кавалерія можетъ и должна стоять вполнѣ на высотѣ современныхъ требованій военнаго дѣла, и, чтобы довести ее до этого состоянія, надо еще поработать, поручивъ эту работу умѣлымъ и энергическимъ людямъ, т. е. хорошимъ, дѣльнымъ начальникамъ. Удачный выборъ начальниковъ имѣетъ, конечно, весьма важное значеніе въ войскахъ всѣхъ родовъ оружія, но кавалерійскій начальникъ долженъ быть особенно самостоятеленъ, находчивъ, рѣшительнъ и энергиченъ.

Всѣ эти требованія обусловливаются не только самымъ свойствомъ кавалеріи, какъ рода оружія, но и той обстановкой, въ которую начальникъ кавалерійской части бываетъ поставленъ въ военное время. Человѣкъ вялый, апатичный, хотя бы даже и знающій, не можетъ быть терпимъ, какъ начальникъ кавалерійской части; въ рукахъ подобнаго начальника самая лучшая часть скоро сдѣлается никуда негодной и никогда не будетъ въ состояніи хорошо исполнять кавалерійскую службу. Хорошій кавалерійскій начальникъ, помимо извѣстнаго образовательнаго ценза, долженъ быть до мозга костей пронизанъ жизнью, энергіей, любовью къ дѣлу и долженъ помнить, что его манера относиться къ службѣ отражается на всей жизни и будущей годности для дѣла всей ввѣренной ему части.

Не разъ приходилось слышать мнѣніе о томъ или другомъ кавалерійскомъ начальникѣ: «онъ хорошъ, энергиченъ, рано встаетъ, дѣловой и можетъ быть въ военное время очень хорошъ, но въ мирное невыносимъ,—нервы можетъ разстроить подчиненнымъ». Я лично держусь такого мнѣнія, что въ мирное время лѣнивый, апатичный, сонный начальникъ не менѣе вреденъ, чѣмъ и въ военное, и если ужъ нельзя иначе, то лучше пусть кавалерійскій начальникъ въ мирное время нервы своимъ подчиненнымъ разстраиваетъ, только бы не разстраивалъ ввѣренную ему часть и не дѣлалъ ея негодной для войны.

Значеніе кавалеріи всегда выказывалось только тогда, когда ею распоряжались знатоки дѣла, лихіе кавалеристы, какими были: Мюратъ, Зейдлицъ, Дороховъ, Давыдовъ, Фигнеръ и имъ подобные и въ наше время—Стюартъ, Шериданъ, Грирсонъ и другіе.

Считаю необходимымъ сказать нѣсколько словъ объ ирегулярной кавалеріи какъ потому, что она составляетъ большую половину нашей кавалеріи, такъ и потому, что обладаніе ею составляетъ для насъ такой драгоцѣнный даръ, о которомъ наши западные сосѣди не могутъ и мечтать.

По самому своему свойству наша ирегулярная кавалерія, какъ кавалерія естественная, обладаетъ и вѣроятно будетъ обладать большей подвижностью и выносливостью, чѣмъ кавалерія регулярная. Такое свойство ея зависитъ не только отъ сорта воспитанія и выѣздки ея лошадей, но и отъ привычки людей къ ѣздѣ, пріобрѣтенной большинствомъ чуть-ли не съ ранняго дѣтства. Но какъ ни хороши вообще свойства ирегулярной кавалеріи, тѣмъ не менѣе не лишнее обратить вниманіе на то обстоятельство, что съ современнымъ измѣненіемъ условій казачьяго быта прежняя лихость нашихъ казаковъ нѣсколько уменьшилась, а потому слѣдовало бы принять нѣкоторые мѣры къ ея

развитію. Это кажется тѣмъ болѣе необходимымъ, что въ настоящее время, съ введеніемъ донскихъ, оренбургскихъ и уральскихъ казачьихъ полковъ въ составъ кавалерійскихъ дивизій, всѣ усилія командировъ казачьихъ полковъ направлены только къ тому, чтобы не отстать въ строевомъ отношеніи отъ регулярныхъ полковъ своей дивизіи; на развитіе же лихости, удали, на джигитовку теперь обращается весьма мало вниманія. Такимъ образомъ вмѣсто одной естественной создается и вторая искусственная причина, ведущая также къ уменьшенію боевыхъ качествъ нашей ирегулярной кавалеріи. Несомнѣнно, что въ казакахъ и теперь есть лихость и удаль, но надо умѣть ихъ развить и поддержать. Въ подтвержденіе этого я приведу слѣдующій примѣръ: Осматривая въ декабрѣ 1883 г. 14-й донской полкъ, я приказалъ произвести джигитовку, причемъ изъ каждой сотни выѣхало только нѣсколько человѣкъ, потому что джигитовкой не занимались; на весеннемъ же смотру того полка изъ каждой сотни выѣхало на джигитовку уже по 50 человѣкъ лихихъ наѣздниковъ, которые умѣли отлично соскакивать съ лошадей и опять вскакивать на нихъ на карьерѣ. Примѣръ этотъ ясно показываетъ, насколько необходимо ввести въ программу обученія казаковъ джигитовку, такъ какъ ничто не развиваетъ такъ удали и ловкости, какъ упражненія подобнаго рода, а потому слѣдовало бы даже принять за правило каждое конное ученіе казачьихъ полковъ оканчивать непременно джигитовкой. Что касается остальныхъ занятій казаковъ, то они должны быть тѣ же, какія указаны мною выше для нижнихъ чиновъ регулярной кавалеріи, а самое главное нужно развить смѣтливость въ развѣдывательной службѣ.

Затѣмъ, такъ же какъ и въ регулярныхъ войскахъ, слѣдуетъ обращать самое строгое вниманіе на надлежащій выборъ командировъ полковъ, дѣлая этотъ выборъ не только изъ природныхъ казаковъ, но также изъ числа тѣхъ штабъ-офицеровъ регулярной кавалеріи, которые окажутся вполне соответствующими современнымъ требованіямъ кавалерійскаго дѣла. Я лично твердо убѣжденъ, что, ввѣривъ ирегулярные полки знатокамъ кавалерійскаго дѣла, можно ожидать, что они съумѣютъ не только поддержать, но и развить въ казакахъ тѣ свойства, которыми послѣдніе должны обладать въ военное время. Но если даже и допустить мысль, по счастью вполне неосновательную, будто бы теперь казаки уже совершенно и безвозвратно утратили всѣ свои прежнія боевые качества, благодаря измѣнившимся условіямъ ихъ быта и упадку войсковаго коневодства, то и это обстоятельство не можетъ помѣшать намъ имѣть хорошую естественную кавалерію, такъ какъ въ нашемъ распоряженіи, даже за исключеніемъ казаковъ и регулярной кавалеріи,

есть еще масса кавказских горцевъ, калмыковъ и текинцевъ, изъ которыхъ мы можемъ весьма легко сформировать значительное число полковъ естественной кавалеріи.

Въ заключеніе настоящаго очерка я считаю необходимымъ указать еще на нѣкоторое несоотвѣтствіе въ организациі нашихъ кавалерійскихъ дивизій. Въ настоящее время въ составъ кавалерійской дивизіи входитъ всего одинъ казачій полкъ на три полка регулярной кавалеріи. Такое соотношеніе мнѣ кажется весьма невыгоднымъ по той причинѣ, что въ случаѣ необходимости отдѣлять полки для дальнихъ партизанскихъ поисковъ предстоитъ назначать значительное число регулярной кавалеріи, что едва-ли будетъ удобно. По самымъ своимъ свойствамъ регулярная кавалерія всегда будетъ болѣе полезна для атаки во время боя, чѣмъ кавалерія ирегулярная, и потому расходовать ее слѣдуетъ крайне бережливо, чтобы имѣть ее наготовѣ для боя. Не только безъ толка израсходовать, но даже и уничтожить регулярную кавалерію въ военное время не трудно, но создать ее вновь почти невозможно. Въ виду этого было бы цѣлесообразно назначать въ составъ кавалерійскихъ дивизій отъ двухъ до трехъ полковъ ирегулярной кавалеріи, такъ какъ это дало бы возможность лучше сохранить регулярную кавалерію.

Высказывая подобное мнѣніе, я далеко отъ мысли, чтобы совсѣмъ не употреблять для дальнихъ поисковъ регулярную кавалерію, — нѣтъ, посылать ее слѣдуетъ, но только всегда придерживаясь такого расчета, чтобы на $\frac{1}{3}$ регулярной кавалеріи было $\frac{2}{3}$ ирегулярной. Въ нѣкоторыхъ же случаяхъ слѣдуетъ посылать на дальніе поиски только одну ирегулярную кавалерію, напримѣръ, въ томъ случаѣ, когда по стратегическимъ соображеніямъ необходимо пожертвовать частью кавалеріи для достиженія той или другой цѣли; въ подобномъ случаѣ, если только выборъ возможенъ, слѣдуетъ всегда послать ирегулярную кавалерію, такъ какъ это будетъ безусловно болѣе выгоднымъ для достиженія общихъ цѣлей. Но, какой бы ни былъ избранъ способъ употребленія кавалеріи въ военное время, слѣдуетъ всегда имѣть въ виду, что даже отличная кавалерія тогда только принесетъ надлежащую пользу, если она имѣется въ достаточномъ числѣ, не только въ составѣ другихъ родовъ оружія, но и для отдѣльныхъ самостоятельныхъ дѣйствій. При соблюденіи этого правила кавалерія, въ рукахъ лихихъ начальниковъ, всегда сумѣетъ себя показать и заслужить славу не меньшую, чѣмъ та, которую она стяжала подъ командой Мюрата, Зейдлица и нашихъ партизановъ 1812 года.

А. Арцишевскій.